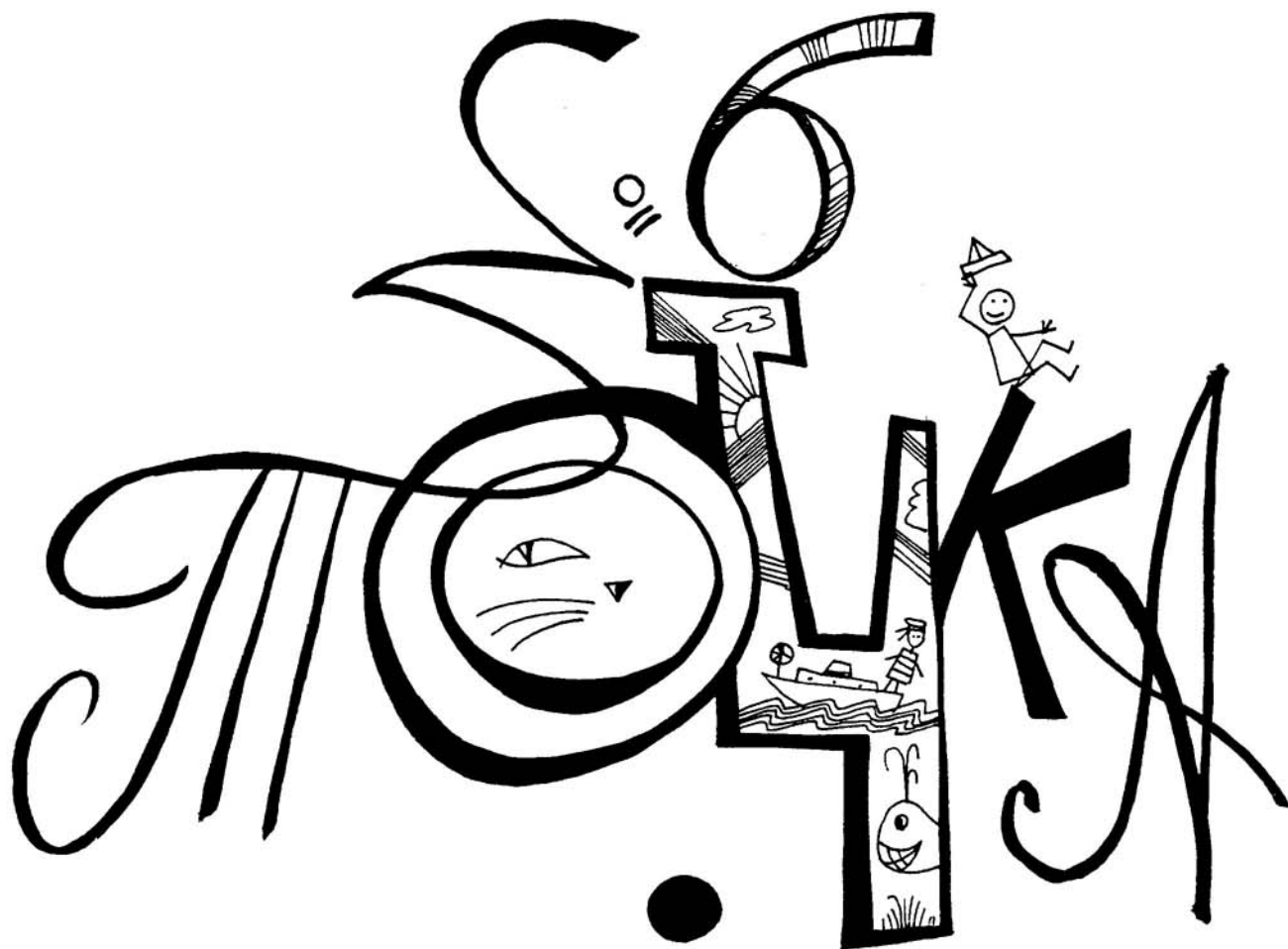

ТОЧКА

З
А
П
Я
Т
А
Я
,

соорудить там небольшой резервуарчик с очистительной системой и подогревом. Так что все семейство преспокойно могло мыться по утрам и вечерам. Марика-Кошмарика, сказать по правде, этот факт не особенно радовал. Скажем честно, он оставлял его совершенно равнодушным.

Волновало его, как, впрочем, и Динку-Блондинку, маму, папу и бабушку Груню, исчезновение Котофея Ивановича. Не то, чтобы у них в семействе никогда ничего не пропадало. Еще как пропадало! У мамы убежал кофе, папа вечно терял газету (иногда Марик-Кошмарик делал из нее кораблики, а иногда — самолетики), у бабушки Груни очень часто пропадали очки, а, время от времени, сушеные груши, которые бабушка Груня очень любила (Марик-Кошмарик их тоже очень любил). У Марика-Кошмарика пропадало все и всегда.

Здрасьте, здрасьте, дорогие дети!

Конечно, о погоде в светском обществе не говорят. Но я просто не могу удержаться. Невероятно! Какое жаркое выдалось лето! В такую погоду приятно вспомнить, как зимой прохладным дождиком протекала крыша. Удивительно, что зимой я этого не ценила. Как говорит бабушка Марика-Кошмарика: "Что имеем — не храним, потерявши — плачем." Зато теперь так освежает разговор о счастливой зимней поре. Зима, крестьянин торжествует. Ужас, до чего жарко. Хочется только мороженого и ледяного морса. Или, на худой конец, хотя бы прохладительную зимнюю историю.

ИСТОРИЯ ПРО семейств Марика — КОШМАРИКА ПОД ДУШЕМ

Зима в семействе Марика-Кошмарика выдалась необыкновенная. Во-первых, у них протекала крыша, что само по себе довольно заурядное явление. Но во-вторых, у них отключили воду, в чем тоже, безусловно, ничего особенного нет. Поразителен был тот факт, что крыша у них протекала ровнехонько над душем, и поэтому папе Марика-Кошмарика не составило труда

Динка-Блондинка даже сочинила про него стихи:

Это – правда, не придирки –
У меня в карманах дырки.
Я ношу в карманах гайки –
Говорю вам без утайки.
Гвозди, фантики, конфеты
И картинки из газеты,
Булки, вилки и осколки,
Даже ржавые иголки.
Вдруг смотрю – глазам не верю –
Не могу найти потерю,
Не могу найти пропажу –
Я предполагаю кражу!

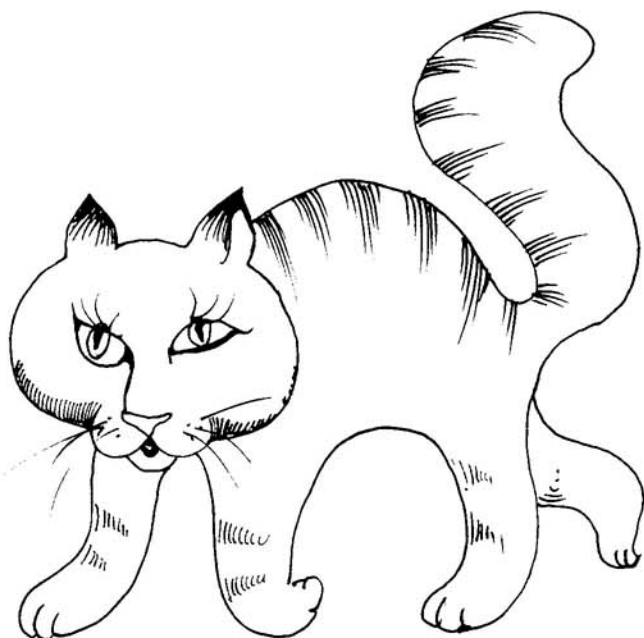
("Вруша-груша", – сказал ей на это Марик-Кошмарик). Казалось бы, семейство Марика-Кошмарика могло уже привыкнуть к постоянным пропажам ("Где наша не пропадала!" – Говорила бабушка Груня), но с исчезновением Котофея Иваныча они ни за что не желали смириться. И, вообразите, они были правы. В один особенно дождливый день, когда резервуарчик наполнялся столь стремительно, что им всем пришлось по нескольку раз забраться под душ, Котофей Иваныч вернулся. Мокрый и грязный Котофей Иваныч залез в коляску мотоцикла "Ява" и ... уснул.

На следующий день в коляске пиццали восемь котят.

– Н-да, – вздохнула мама Марика-Кошмарика, – вот и вернулась наша Котофея Иванна. А мы-то ее за порядочного кота держали.

– Мама, она – Фея? – Спросил Марик-Кошмарик.

– Фея, – сказала Котофея Иванна и свернулась клубочком. А семейство Марика-Кошмарика целую зиму надоедало знакомым и незнакомым, пока не нашло подходящих хозяев для восьми котят: Буси, Гуси, Дуси, Зуси, Люси, Муси, Нюси и Пусси.

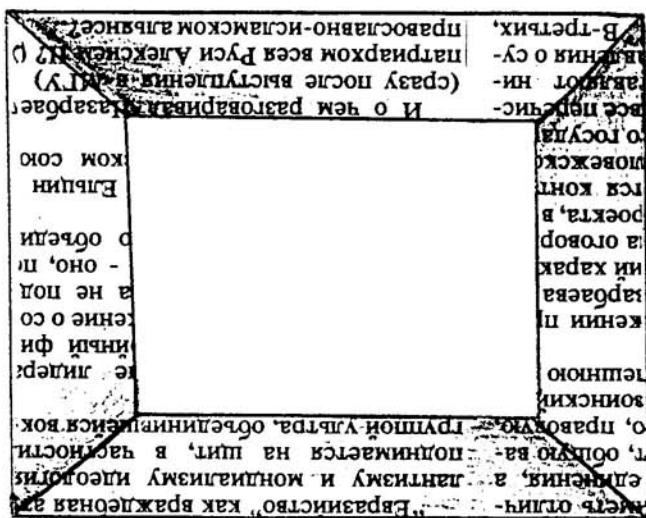

Зимние сочинения Динки-Блондинки

Как-то утром два гуся,
Гусь-гусак и гусь-гусыня,
Ранним утром, тёмным, синим,
В путь пустились, голоса.
Гагага да гагага –
Скоро выпадут снега!
Нужно нам успеть до снега
В десять мест по делу сбегать,
А то как бы среди снегов
Не нажить себе врагов!
Сбегать сразу в десять мест –
Ведь друзья живут окрест!
И всем-всем сказать с разбега:
"Здрасьте, здрасьте, ждите снега!
Мы по делу, на минутку.
Чаю выпить? Никогда!
Ах, оставьте ваши шутки.
Мы замёрзли? Ерунда!"
И они бегут опять
Лапки всем поцеловать,
Чмокнуть в клювы и шепнуть:
"Перед нами долгий путь.
Мы не можем отдохнуть.
Завести бы нам карету,
Чтобы быстро по секрету
Всех друзей оповестить –
Скоро, скоро снегу быть!"
Наконец домой вернулись
Гусь-гусак с гусем-гусыней,
На диване растянулись
Поздней ночью, тёмной, синей,
И вздохнули: "Гагага...
Скоро выпадут снега..."

Пожилой водяной
выпил морс ледяной
и схватил затяжную ангину.
Он всегда был здоров,
не любил докторов,
а теперь молоко пьёт с малиной!

Кажется, мы слишком увлеклись зимними историями. Так недолго и насморк схватить, и пойдет у нас тогда все насмарку. Не будем забывать, что на дворе август. Да, между прочим, вы случайно не знаете, почему надо говорить насморк, а не носморк? Очень меня это волнует!

ЛЕТНЯЯ ИСТОРИЯ ПРО СЕМЕЙСТВО МАРИКА-КОШМАРИКА И ПУТЕШЕСТВИЕ ВМАРЦИПИНИЮ

Марик-Кошмарик лежал в постели. Он был болен. Он простудился. Летом!

– Вот всегда с тобой так, Маричек! – Вздохнула мама.

– Нет, чтоб как все нормальные люди зимой простужаться! – Подхватила Динка-Блондинка, ползими проболевшая ангиной. – Вот теперь маме придется тебя лечить!

И Динка-Блондинка хихикнула. Дело в том, что, как вы уже знаете, их общая мама ходила на курсы. Но вы не знаете, какие это были курсы! Это были курсы неконвенциональной медицины. Удивительные курсы! Маму там учили втыкать в людей золотые иголки и поить их разной дрянью... Так, во всяком случае, считала Динка-Блондинка. На самом деле все было совсем иначе, но как именно – никто толком не знал. Мама никого не посвящала в свои профессиональные секреты. Только иногда можно было услышать, как она бормочет, читая свою самую любимую книгу: “Тайная мудрость знахаря”:

– Возьмите стакан чистой родниковой воды и плюньте в него три раза. Вылейте больному чесоткой за ворот. Через каждые три дня процедуру нужно повторять. Воду брать на заре... нет, это мне не подходит... вот... растолките кусок мела с сахарным песком, рассыпьте на дороге, ведущей к дому страдающего прострелом, после этого...

Вообще-то больше всего мама любила читать книжки про любовь со счастливым концом, которые Динка-Блондинка приносила из библиотеки. Бабушка Груня тоже всегда с нетерпением накидывалась на них. Сперва она на всякий случай перелистывала последние страницы – надо же убедиться, что конец действительно счастливый! – а потом уже читала все по порядку. Даже папа Марика-Кошмарика в них заглядывал. И хотя он делал вид, что его это совершенно не интересует, но книжку прочитывал от корки до корки.

Только с тех пор, как мама записалась на курсы некон-этой-самой медицины, все, кроме “Тайной мудрости знахаря”, перестало ее занимать. Вот и теперь Динка-Блондинка и Марик-Кошмарик слышали, как она бубнит:

– При простуде смешайте равные доли лука, чеснока, сосновых иголок и чилийского перца и проварите в стакане молока... очень хорошо помогает такое старинное средство, как...

Марик-Кошмарик сидел в постели и очень нервничал. Что еще придумает его мама?! Рядом с ним, свернувшись клубком, спала Котофея Иванна. Ей было хорошо, ей не угрожали ни сосновые иголки, ни золотые.

– Давай-ка, Марик, поставим градусник, – сказала бабушка Груня. Против градусника возражать не стоило. Это было не больно.

– Хорошо, бабуля, – сказал послушный Марик. – А ты Расскажи мне сказку.

– Жили-были в шкафу на нижней полке, – начала бабушка Груня, – старушка Сушеная Грушка и старичок Сушеный Сморчок. И вот, попала старушка в компот, а тут и старикану пришел капут.

Тут бабушка Груня как-то странно хлюпнула носом и ушла в свою комнату.

– Бабуля переживает, – объяснила Динка-Блондинка Марику-Кошмарику. – Она скучает без дедушки Бисмарка.

– Я тоже скучаю без дедушки Бисмарка, – заявил Марик-Кошмарик.

– Ты его никогда не видел! – Возмутилась Динка-Блондинка.

– Нет-когда, нет-когда, я когда по полу ползал, видел двух маленьких дедушек Бисмарков, только они от меня сразу убежали, – заныл Марик-Кошмарик и пихнул Котофею Иванну в бок, – хоть бы ты, Фейка, что-нибудь придумала!

Котофея Иванна недовольно потянулась и толкнула Марика-Кошмарика под локоть. Градусник упал и разбился. По полу раскатились маленькие ртутные шарики.

– Ой, – сказали Марик-Кошмарик и Динка-Блондинка в один голос.

На звон разбившегося градусника пришла бабушка

Груня. Она взяла в руки перьевую метелку и стала подгонять ртутные шарики навстречу друг другу. Постепенно все маленькие шарики снова слились в один большой шар, который бабушка Груня поймала на лист бумаги и осторожно понесла в помойное ведро.

– Фейка, ты просто фея! – Завопил Марик-Кошмарик. Он влез из постели, схватил перьевую метелку и начал мести по углам. Сперва послышалось странное попискивание, потом недовольное бурчание, и, наконец, раздался сердитый голос:

– Марик, марш в постель! Ты уже не ребенок, чтоб так ребячиться!

– Дедушка Бисмарк! – Заорали Динка-Блондинка и Марик-Кошмарик.

Это и в самом деле был дедушка Бисмарк. Тот самый, который терпеть не мог детей. Дедушка Бисмарк в полный рост. То есть, среднего роста – 1 метр 67 сантиметров.

– Привет, папа, – сказал папа Марика-Кошмарика, оторвавшись от увлекательного романа “Машина любви”. (Дедушка Бисмарк приходился ему папой).

Бабушка Груня вернулась в комнату с чашкой горячего молока для Марика-Кошмарика и от счастья упала в обморок.

– От обморока хорошо помогает двухлетняя жаба, – сказала мама Марика-Кошмарика, прибежавшая на шум из кухни. Она на ходу перелистывала страницы “Тайной мудрости знахаря”.

– По-моему, нам всем очень помог бы небольшой летний отдых, – быстро сказала бабушка Груня. Ей совсем не хотелось иметь дело ни с двухлетними, ни с трехлетними жабами.

– Правильно, – заявила Динка-Блондинка, – мы все поедем в Марципанию. Так они и сделали. Но я вам об этом путешествии ничего не расскажу, потому что Динка-Блондинка сама написала о нем целую книжку. Так себе книжка, конечно. Я бы лучше написала. Да тут уж ничего не попишешь.

д ВЕ ИСТОРИИ.
Рассказанные
ди Н кой – блон ди Н Кой
КОТО Фее ИВАН Не

По морю хотела кошка
Путешествовать в лукошке,
А лукошко не хотело.
Вот какое вышло дело.

На окошке скучала
Полосатая кошка:
“Почему я не зебра, почему я не тигр?
Я тогда для начала
Поймала бы мышку
И придумала много замечательных игр!”

История НичегооШенБки

Марик-Кошмарик считал, что его папа слишком часто употребляет слово “ничего”.

– Ничего страшного не случится, если ты немного помолчишь, – говорил он Марике-Кошмарике, когда Марик-Кошмарик орал благим матом.

– Ничего не получишь на закуску, – говорил он Марике-Кошмарике, когда Марик-Кошмарик орал благим матом.

– Ничего, до свадьбы заживет, – говорил он Марике-Кошмарике, когда Марик-Кошмарик орал благим матом.

Во всех случаях жизни он говорил “ничего”. И даже когда его спрашивали “Как дела?”, он пожимал плечами и говорил: “Ничего.”

– Из ничего и выйдет ничего, – сердилась бабушка Груня. И представьте себе, так однажды и вышло.

– Что слышно? – Спросила как-то раз бабушка Груня папу Марика-Кошмарика.

– Ничего, – сказал папа Марика-Кошмарика. И сразу стало ничего не слышно. И не видно. И вообще ничего не стало. Ничегошеньки. Ни папы, ни мамы, ни бабушки Груни, ни дедушки Бисмарка, ни Динки-Блондинки, ни Марика-Кошмарика, ни Котофеи Иванны... Остались только эти истории, да еще ничегошеньки (Буся, Гуся, Дуся, Зуся, Люся, Муся, Нюся и Туся). И может, и никогда ничего кроме этого не было?

До свиданья, дорогие дети!

Теперь мне, право, НЕЧЕГО сказать, потому что ничего нерассказанного уже не осталось. Может, вы уже выросли, пока я писала? Тогда, на всякий случай:

До свиданья, господа дети!

Надеюсь, я еще вспомню о чем-нибудь нерассказанном, о чем-нибудь скучном и неинтересном. Кстати, самое главное чуть не забыла. Знаете ли вы – кому посвящаются эти истории? Догадываетесь? Правильно. Моему дедушке.

И.Зандман

ВИРЛУВЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ

(Окончание)

Адвокат и прокурор

– Итак, – начал Барнаба, – объявляю заседание суда открытым. Обвиняемое, клянётесь ли вы говорить правду, только правду и ничего, кроме правды?

– Никакой кривды! – Выкрикнул прокурор Вирлуве. – Довольно вранья!

Судья постучал его по лбу.

– Да! – Пискнуло Яно Львовно.

Барнаба удовлетворенно кивнул.

– Слово предоставляется прокурору!

Вирлуве спрятал руки за спину, выставил левую ногу вперед, прокашлялся и начал:

– Я обвиняю эту женщину в том, что она обманом проникла в порядочную мужскую компанию, лживыми уловками втерлась в доверие, вызнала тайны тайного общества, нарушила его устав. Прошу суд обратить особое внимание на враки подсудимой, достойные всяческого осуждения. Кроме того, обвиняю эту женщину в военной измене. Так-то.

– Обвиняемая, признаете ли вы себя виновной? – Спросил Барнаба.

– Нет! – Пискнуло Яно Львовно.

Барнаба удовлетворенно кивнул.

– Слово предоставляется адвокату!

Просто Пиня скрестил руки на груди, выставил правую ногу вперед, прокашлялся и начал:

– Прежде всего, в первую очередь, спервоначала, хочу заметить, что уважаемый прокурор исходит из неправильных пред-по-сы-лок. Он считает, что обвиняемый – тетя, а обвиняемый – вовсе дядя. Если Ян Львович и не пьет, и не курит, так это только хорошо. Сохраняет здоровье. А что мышей боится, так наш уважаемый прокурор боится крапивы, и это несколько не умаляет нашего к нему уважения.

– А сам-то! – Выкрикнул Вирлуве.

Судья стукнул его по лбу.

– Да, уважения, – продолжал Просто Пиня. – Кроме того, Ян Львович геройски сражался на войне и нашел прокурорскую птицу, о чем тот умалчивает. Должен также обратить внимание суда на то, что будь Ян Львович тетей, что исключено, и тогда не было бы в том никакой вины, только беда. Ведь тети не виноваты, что они не дяди.

– Обвиняемый, согласны ли вы с адвокатом? – Спросил Барнаба.

– Нет! – Пискнуло Яно Львовно.

– Обвиняемый, кто же вы? Признайтесь Чистосердечное раскаяние облегчит вашу участь! – Важно провозгласил Барнаба, сознавая всю необычность создавшегося положения.

– Цыпленок! – Пискнуло Яно Львовно.

Барнаба потер кончик носа.

– Итак, – торжественно заключил он, – из-за отсутствия вины считаю обвиняемое невиноватым. Объявляю заседание суда закрытым.

– Ура!!! – Запрыгало Яно Львовно. – Значит, мне можно с вами?

Прокурор ткнул адвоката в бок.

Вирлуве о природе Вирлуве

– Хотел бы я знать, кто я? – Внезапно спросил Вирлуве.

Тяжелое красное солнце свалилось за деревья, точнее очертив стволы. Вирлуве со Сквернословом, Барнаба, Просто Пиня и Яно Львовно шли все вперед и вперед навстречу неведомому.

– Кто я? – Задумчиво повторил Вирлуве.

– Э, – махнул рукой Барнаба, – разве узнаешь? Это Неведомое и есть.

– Так мы же идем ему навстречу, значит, узнаем? – Удивился Просто Пиня.

– Узнаем, когда дойдем до конца, – просто сказал Барнаба.

– А как нам узнать, где конец? – Поинтересовалось Яно Львовно.

– Никак, – вздохнул Барнаба и замолчал.

– Дудки! – Упрямо мотнул головой Вирлуве. – Я не согласен. Должен же я знать, кто я такой.

– Такой-сякой-разэтакий! – Пропел Просто Пиня и дернул Вирлуве за хвост.

Вирлуве даже не обернулся.

– Я не стратег, – бормотал он себе под нос, – не тактик и не прокурор. Можно, конечно, побыть прокурором, когда настроение ругачее, но всю жизнь? Ищите дурака. Ну, я храбрый вояка и путешественник тоже. И коллекционер. И еще я тетин племянник...

– Может, вы китайский император инкогнито? – Предположило Яно Львовно.

– Сами вы инкогнито! – Рассердился Вирлуве, но на мгновение остановился и потянул углы глаз в разные стороны – к правому уху и к левому уху.

– Нет, – покачал он головой. – Нет, не император, а жаль! И все же, кто я? Несомненно, я чертенок – рожки и хвост. Но я и мужчина тоже. И еще я чувствую, что где-то там, – Вирлуве стукнул себя в грудь и похлопал по макушке, – что-то такое

есть. Что-то замечательное и необыкновенное.

– Знаю! – Закричал Просто Пиня.
– Ты Мохаммед Али в изгнании! Выстирался в отбеливателе, а теперь узнать себя не можешь!

– Вполне вероятно, – воинственно заявил Вирлуве и сделал стойку. – Зато ты узнаешь, мой миленький, когда я тебя нокаутирую.

– Узнал, узнал! – Завопил Просто Пиня. – Уже узнал, миленький Вирлуве.

Вирлуве отмахнулся от него и продолжал бурчать:

– Откуда я взялся? Сколько мне лет? Думаю, я был всегда. Это уж точно. Но сколько это – всегда? И что я буду делать, когда вырасту? Яно Львовно, вы кем будете, когда вырастете?

– Петухом, – с готовностью объяснило Яно Львовно.

– Я не петух, – шептал Вирлуве, – не цыпленок, не курица, не шахиншах иранский, не Брижит Бардо... я не я, я не я, но кто я, кто я?! – Дико закричал Вирлуве и схватился за голову.

– Вирлуве, – сказал Барнаба.

И Вирлуве успокоился.

– Я – Вирлуве! – Радостно вздохнул Вирлуве. – И этим все сказано. Удивительный, неповторимый Вирлуве, и больше никто.

Ходячий компас, или До свидания, друзья!

Небо меняло цвета. Оно уже сменило красный на оранжевый, и теперь ожидало пока последний мягкий луч солнца сникнет, чтобы переменить оранжевый на сиреневый. Луна взошла такая бледная и таинственная, что касалось, будто она съела лимон и запила его уксусом.

Лес пугал. Он трещал, пищал, поскрипывал, ухал, стонал и напоминал всякие истории с привидениями и ведьмами.

– Эй, Барнаба, – позвал Вирлуве, – интересно все же, куда это мы идем?

– В гости к Бабе-Яге, – меланхолично ответил Барнаба. – Моя знакомая.

– Без шуток, Барнаба! – Взмолился Просто Пиня.

Яно Львовно задрожало, Вирлуве поежился.

– Да, серьезно, Барнаба, – поддержал Вирлуве Просто Пиню, – должны ведь мы знать, куда идем.

– А зачем? – Удивился Барнаба. – Это лишнее, так же как знать, кто ты такой.

– Ну, например, чтобы не заблудиться, – неуверенно протянул Вирлуве. Он еще не успел забыть поиски самого себя.

– Ха! – Усмехнулся Барнаба, – Если не знать, куда идешь, так и заблудиться нельзя, не правда ли?

– А вдруг, а вдруг, – залопотало Яно Львовно, – мы эту встретим, вашу знакомую?

– Или лешего, – предположил Просто Пиня.

– Этого удовольствия я вам не обещал, – важно произнес Барнаба и задумчиво добавил, – хотя, впрочем, никогда нельзя знать заранее.

– Но все-таки лучше знать, что нас ждет, – покачал головой Вирлуве.

Барнаба изумленно уставился на него.

– Ты хочешь сказать, что интереснее все знать сразу? – Поразился Барнаба.

– Нет, нет, но чтобы суметь вернуться, нужно же знать дорогу, – начал оправдываться Вирлуве.

– Знать дорогу! – Передразнил его Барнаба. – Дорога, может быть, и сама себя не знает. Вот ты себя не знаешь, думаешь, тебя Просто Пиня может знать? А вернуться можно по компасу. Правда, я не собирался возвращаться...

– У тебя есть? – С надеждой спросили Вирлуве и Просто Пиня в один голос.

Яно Львовно дрожало.

– Я сам компас! – Гордо представился Барнаба. – Ходячий компас, к вашим услугам. Ориентируюсь по муравейникам и пням, по звездам и солнцам...

– Разве их много? – Перебил его успокоившийся Вирлуве.

– Пока еще нет, – загадочно произнес Барнаба и начал напряженно вглядываться в темноту.

Впереди – далеко-далеко впереди – поблескивали два загадочных огонька.

– В-волк? – Затрепетало Яно Львовно.

– Боюсь, что нет, – насупившись, ответил Барнаба.

– Л-лев?

– Вирлуве, – сурово сказал Барнаба, – ты, кажется, хотел домой? Я тебя поздравляю – мы у цели.

– Здорово! – Восхитился Вирлуве. – Вот тетя обрадуется!

– Да-да, – рассеянно кивнул Барнаба. – Порадуй тетю, а уж она-то тебя порадует.

– Ты сердисься? – Поинтересовалось дрожащее Яно Львовно.

– С чего бы? – Вскинул брови Барнаба. – Разве я могу сердиться на дорогу? Она меня провела, но и я не промах. Мы еще посмотрим, кто кого надует. Кто со мной?

– Знаешь, – сказал Просто Пиня и потупился, – завтра бабушка приезжает. В город мне уже не успеть, лучше домой пойду, бабушку встречу.

– Ну что ж, – вздохнул Барнаба, – тогда я пошел...

– А я? – Пискнуло Яно Львовно.

– Вы? – Брови Барнабы поползли под цилиндр. – Я и не знаю, как вас звать. Все-таки вы не в среднем же роде.

– В среднем, – кивнуло Яно Львовно. – А для краткости можно Я.Л.

– Ура! – Завопил Барнаба и подбросил цилиндр. – Да здравствует Я.Л, отважный путешественник! А теперь – прощайте, друзья! Нас ждет дорога.

– До свиданья, – прошептали Вирлуве и Просто Пиня.

– Ведь правда – до свиданья, Барнаба? – Закричал Вирлуве вслед уходящим. – Ведь мы еще увидимся, правда?

– Если дорога приведет, – откликнулся Барнаба. – До свиданья, друзья!

Возвращение героя и тетин сон

Вирлуве хлопнул Просто Пиню по плечу.

– Пока, заглядывай!

– Пока, заглядывай! – хлопнул Просто Пиня по плечу Вирлуве.

– Дорогу найдешь? – Спросил Вирлуве.

– Угу. А ты? – Спросил Просто Пиня.

– Я-то что, это же ты потерялся.

– Я не потерялся, я заблудился, – поправил Просто Пиня и сунул палец в нос. – По дороге в город заблудился, а по дороге домой найдусь.

– Ну тогда топай! – Махнул рукой Вирлуве. – А в носу лучше не ковыряй. Вдруг потом в дырку ворона залетит?

– И пусть! – Махнул рукой Просто Пиня. – Для цирка сгодится. Буду фокусник. Привет!

И Просто Пиня исчез в темноте, а Вирлуве толкнул дверь и вошел в дом.

– Ой, боюсь, воры! – Взвизгнула тетя.

– Не бойтесь, тетя, – сказал Вирлуве, – это я, Вирлуве. Я вернулся.

– Вернулся? – Тетя была удивлена. – Разве ты уходил? А я думала, ты в углу стоишь, как и полагается нашкодившим детям, осознавшим свою вину.

– Детям! – Повторил Вирлуве. – Я, тетя, герой. Я вернулся со славой. Сразился с динозавром один на один. А в войне за малиновые плантации получил боевые ожоги.

– Ах, отстань! – Устало вздохнула тетя. – Отстань от меня с своими глупостями! Я вот, мой милый, сон видела, вещий. Только никак не пойму, к чему. Лечу будто я по небу, впереди меня половинка бегемота летит, а позади – половинка гиппопотама. Глядь, на моем мопеде Бермудский Треугольник сидит, в носу ковыряет. Я ему говорю: “Вынь палец из носа, негодный!” А он вытащил трубку из кармана, набил,

зажег, затянулся, все так неторопливо, и прямо мне в лицо – пых-пых-пых. Я даже проснулась. И все мне этот сон покоя не дает. Чует сердце, что вещий сон, а понять не могу. Даже сонник достала. – И тетя ткнула пальцем в какую-то изрядно ободранную книгу.

– Чепуха одна. И куда составители смотрели?

Тетя помусолила уголки листов, пошелестела страницами и язвительно прочла:

– Бегемот – любовь представительного мужчины.

Потом еще полистала и прочла еще язвительнее:

– Гиппопотам – см. Бегемот. Это же разные были половинки. А вообще, как будто бегемот и гиппопотам – одно и то же. Сравнили – бе-ге-мот и гип-по-по-там. А про Бермудский-то Треугольник – смех один! Бермуды – перемена погоды, измена единомышленников, ячмень. Ну, это не то. Вот – Бермудский Треугольник – снится к новой моде на головные уборы.

– Эх, тетя, – укоризненно взглянул на нее Вирлуве. – Я проделал долгий трудный путь, думал порадовать вас. А у вас одни сны на уме.

– Ты мне, Вирлуве, голову не морочь! – Отрезала тетя. – Сны – это основа основ и тайна тайн. И знаешь, похоже, что сон – к перемене места. Что ж мне, вечно в этой глуши киснуть? Ты у меня не один. У меня племянников много. Как говорится – жизнь коротка, племянники найдутся.

Вирлуве печально кивнул.

Сданные позиции и высокопарная речь

Вирлуве уже однажды произносил речь. И странное прыгающее чувство внутри было ему знакомо. Правда, на этот раз оно не было таким легким и радостным. Но во всяком случае Вирлуве знал, что необходимо высказаться.

– Сквернослов, друг мой, – начал Вирлуве, – друг мой, Сквернослов! Мы снова одни. Нет ни тети, ни мопеда. И что нам в них! Ждали мы улыбок и почестей, ну хотя бы чая с малиновым вареньем, так ведь и сами себе нальем! Эй, налейте нам кубки да набейте нам трубки! Как в песне поется. А без женщин легче, спокойнее что ли. Нет ни Барнабы, ни Просто Пини, ни Яно Львовно. У них своя жизнь, свои пути... Встретимся ли? Не знаю. Нет ни подвигов, ни славы, ни драконов, ни принцесс. Путешествие кончилось, приключение не началось. Прощай, путешествие! Прощай, приключение! А все-таки было здорово. И мы дома, Сквернослов! Да здравствует дом! Дом с чердаком и подвалом, чуланом и камином, с мягкими креслами и домовыми в углах! И куча дел, Сквернослов! Просто куча! Мы еще привидение заведем. И будет у нас тогда родовой замок. Можно будет за деньги показывать. А пыли-то, пыли... Мы из нее валенки будем катать, откроем производство, разбогатеем, купим бегемота. Тогда, тогда все узнают, кто такой Вирлуве. И Барнаба скажет: “Ты, Вирлуве, настоящий мужчина. Теперь я знаю, почему ты хотел вернуться – тебя ждали великие дела!” Вот увидишь, Сквернослов!

– Сбр-рендил, что ли? – Пророкотал Сквернослов.

САША ЩЕРБА

Маленькое путешествие, или Кукла Вера

(Продолжение)

КУКЛА ВЕРА В ПОДВАЛЕ

В подвале было темно и сыро.

В подвале было темно и сыро, но Кот философствовал.

– Называйте это как угодно: "Журавль в небе", "Грезы", "Надежда" – смысл будет тот же. Вот вы на что надеетесь? – Спросил Кот и что-то лизнул в пустой консервной банке.

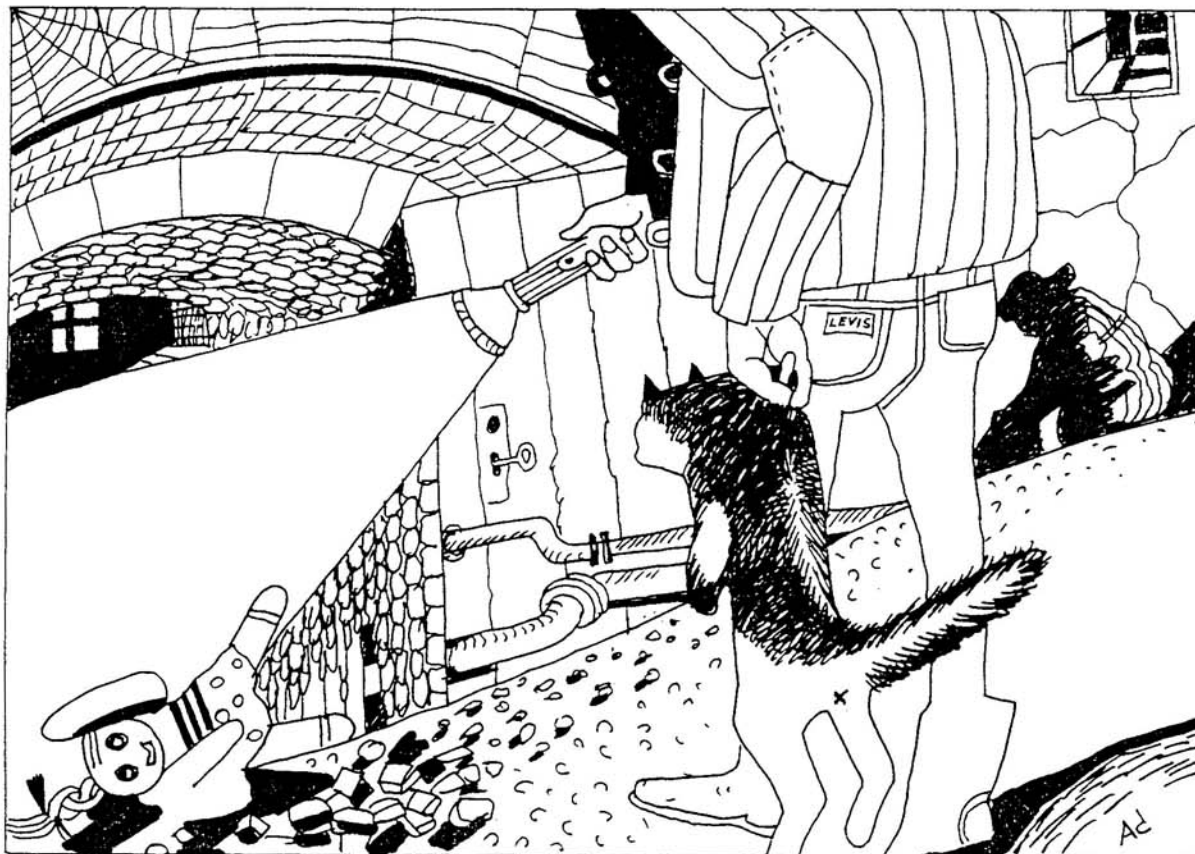
Кукла Вера подумала про то, что она надеется когда-нибудь, когда-нибудь, уж неизвестно когда встретить старый желтый Ботинок на пенсии. Но вслух она этого говорить не стала, и Кот решил, что она пока не знает, на что надеяться, и потому молчит.

– Везение и невезение скорее непонятные вещи, чем понятные, – говорил Кот. – Сегодня вы в подвале жилого дома и считаете, что вам повезло, а завтра утром проснетесь и скажете, что здесь сыро. – Кот опять лизнул что-то в пустой консервной банке. Голос его стал еще мягче. – Когда-то, когда я был еще котенком, сюда в подвал приходил один человек, и он был скорее молодым, чем старым. Он приходил по утрам, звал меня "Тихон" и приносил мне кусок колбасы, завернутый в газету. Как-то он принес эту картонную коробку, и в ней было очень удобно спать. Но я вырос, а она осталась та же, а этот молодой человек, а попросту мальчик, приходил перестал. Ему, должно быть, показалось, что взрослому коту колбаса меньше нужна, чем котенку. – Кот стал говорить еще мягче, опять что-то лизнул в консервной банке, а Кукла Вера слушала, не перебивая. – Зато по вечерам сюда стал приходиться другой человек, скорее старый, чем молодой, и оставлять на дне вот этой вот скорее грязной, чем чистой банки валерьяновые капли. А, попросту говоря, валерьянку.

Кот замолчал.

Чтобы как-то нарушить тишину, Кукла Вера спросила:

– Здесь, в коробке, очень уютно. Не знаете ли вы колыбельных?

СТРАШНО

Кот ответил, что у него как раз сейчас настроение спеть Кукле Вере колыбельную, и раздались страшные голоса:

– Ни черта не видно, Виталий Сергеевич! – Сказал грубый голос.

– Да здесь он. Нажрался валерьянки и спит теперь, – сказал второй голос, постарше и еще грубее, чем первый. – Сань, ты ищи!..

Кот сжался в комок, протяжно замяукал, из темноты прорезался луч от карманного фонаря, высветил кота, и огромная рука схватила его за загривок и сунула в мешок.

– Поймал хвостатого! – Сказал грубый голос, послышались шаги, и для Куклы Веры наступила ночь.

Кот, говорящий несвязно, неслышно, будто пьяный человек, собаки Рыжий и Черный в грязных отчего-то телогрейках, неизвестно зачем бегущие друг за другом по Свалке и, наконец, Ботинок. Ботинок во сне напомнил ей учителя с картинки в Леночкиной книжке.

КУКЛА ВЕРА И МАЛЬЧИК

– Я погибла! – Подумала Кукла Вера сразу же, как проснулась: заскрипела дверь в подвал, и послышались шаги, так похожие на те, что она слышала вчера вечером.

– Тихон! – Сказал звонкий голос. – Я принес тебе колбасу! Я очень долго болел, но теперь выздоровел и принес тебе колбасу! Не обижайся, Тихон!

Кукла Вера зажмурилась от луча, который на нее направили.

– Кукла! – Сказал голос. – И красивая!

Кукла Вера еле сдержалась, чтобы не заплакать.

Пока мальчик нес ее домой, Кукла Вера думала о том, что, может быть, и на ее долю выпадет счастье.

ДОМА У МАЛЬЧИКА

– Я буду звать тебя “Кукла Вера”! – Сообщил ей Мальчик и усадил на сервант. – Вот твое место.

Кукла Вера была в тепле, Мальчик шил ей платье и мастерил туфли, и все говорил, говорил, и ей от этого было хорошо.

– Ты совсем как маленькие дети. Ты кричишь “уа”, – говорил он.

– Конечно, ты не Тихон, – говорил Мальчик. – Но ты – Кукла Вера.

– Папа, – говорил Мальчик, – он у меня добрый, раньше он был поваром в ресторане, – говорил Мальчик. – Потом он что-то не доварил, и его выгнали с работы. Его зовут, – говорил Мальчик, – Виталий Сергеевич, и у него есть друг Саня.

– Знаешь, – говорил Мальчик Кукле Вере, – как я понял, что тебе нужны туфли и платье? Мама говорит, что нужно становиться на время тем, о ком ты думаешь. И вот я стал на время тобой, и оказалось, что у меня нет платья и туфель, и что мне нужна новая прическа. С Днем рождения!

Как вы помните, ребята, Кукла Вера оставила старый, никому не нужный Ботинок среди пламени, которое охватило свалку. Пес Рыжий унес ее после того, как старый, никому не нужный Ботинок упросил его спасти не его, а маленькую, нежную Куклу Веру, так как пес Рыжий мог унести в своих острых зубах только кого-нибудь одного.

Во время своих странствий Кукла Вера часто украдкой плакала о старом желтом Ботинке, хотя они знали друг друга всего несколько часов. Кукла Вера то думала, что он погиб в пламени, охватившем свалку, то – что он необыкновенным образом спасся из огня, помнит ее и, может быть, даже любит.

Теперь, с Мальчиком, который подарил ей новые туфельки, который одел ее в новое платье и сделал ей новую прическу, который берег ее почему-то, ей было очень хорошо. Она хотела ему нравиться, хотела, что в его школе ему ставили только хорошие оценки, чтобы он всегда был сыт, чтобы вовремя ложился спать и во сне видел только хорошее. Она хотела, чтобы он быстрее рос... Но это было совсем не то чувство, которое она испытывала, думая о Ботинке.

Как-то в комнату Мальчика вошли двое. Она узнала эти голоса. Это были голоса тех, кто привез ее на свалку и кого она слышала в подвале, когда исчез Кот.

Кукла Вера как раз думала о том, что отдала бы сейчас и новые туфельки, и бантик, и даже новое платье взамен на то, чтобы вернуть все обратно?: чтобы были она, Ботинок, и чтобы он смотрел на нее влюбленно своими огромными печальными глазами. И пусть вокруг пламя, и страшные звери, и ночь.

– А, Саня! – Сказал грубый голос. – Проходи, не стесняйся!

– Да я на минуту, Виталий Сергеевич! – Ответил ему второй голос, потоньше, но такой же грубый.

– Проходи. Хочешь, удивлю? Ты знаешь, что принес в дом оболтус?... Ту грязную куклу, которые мы выбросили на свалку, а потом видели у нас в подвале. Мальчишка играет в куклы... Чего ему не хватает? Усадил ее на сервант... Сань, я же все в дом. Купил ему сегодня куртку... послушай, забери ее! Ты ведь все равно пойдешь мимо свалки.

– Хорошо, Виталий Сергеевич! Выброшу. Почишу вас.

– Ну, давай, Сань, на посошок! – Сказал грубый голос, а огромная мозолистая рука сняла Куклу Веру с серванта и понесла в темноту.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ФИНАЛ

– Куда несут меня? – Думала Кукла Вера, катаясь по дну огромной кожаной сумки.
– Что это за человек? – Думала Кукла Вера. – Если хороший, то отдаст детям, а если плохой – выбросит на дорогу.

Кукла сейчас как никогда ошущала свою беспомощность. У нее сбились набок волосы, истрепалось платье, и она потеряла туфельку. “Я сейчас та же, как была, когда меня выбросили,” – подумала Кукла Вера и вдруг поняла, что куда-то падает. Она испугалась, зажмурилась от страха глаза, а открыв их, увидела перед собой старый желтый никому не нужный Ботинок, который смотрел на нее влюбленными глазами...

Кукла Вера была та же, что когда-то, когда впервые увидела Ботинка, но теперь, хотя вокруг и была все та же свалка, и страшные звери, и грязь, ей отчего-то было здесь хорошо.

Ботинок поведал ей о том, что дождь, разразившийся над свалкой во время пожара словно по волшебству загасил пламя, что через неделю после пожара он открыл на свалке Собачью Школу, и что среди отличников – собаки Рыжий и Черный и странный кот с мужественной кличкой “Тихон”, убежавший прямо со стола, на котором делают над животными опыты.

Док. Н.Резниг

Прогулки до половины девятого

(Окончание)

21

Директор проснулся оттого, что телефон на его письменном столе надрывался, переходя от хрипа к визгу. Ошалело помотав головой, он включил ночник. Часы показывали половину четвертого.

- Скажи им, что они кончат на виселице, - не открывая глаз, посоветовала ему жена.

- Господин Дрори? - Раздался приветливый голос в трубке. - Вас беспокоят из полиции. Дежурный комиссар Йонадав Балабан. Примите наши извинения за столь поздний звонок. Дело в том, что маленький мальчик Сатановский Феликс, улица Эфрата 12, сегодня ночью исчез из дома.

- Какой ужас! - Посочувствовал Директор. - Но чем же я могу быть полезен?

- Мы уже предприняли самые решительные меры к разысканию Сатановского Феликса, но, к сожалению, все безуспешно. Дело в том, что, видите ли... взволнованная мать мальчика, Сатановская Изабелла, захватила заложником верховного комиссара нашего округа, Амира Цвельфуса, и отказывается вести с нами переговоры, пока ребенок не будет доставлен домой. Что? Да, очень энергичная дама... Она добилась того, что сам верховный комиссар осмотрел комнату исчезнувшего ребенка, а потом заперла его, угрожая топором ... Да, она утверждает, что мальчик каждый день посещал ваш зоопарк. Поэтому просим вас войти в наше положение... мы нуждаемся в содействии.

- Что делать, конечно, дружище, - сказал Директор. - Только ни в коем случае не пускайте на территорию зоопарка собак, у нас строжайший карантинный режим.

- Спасибо, господин Дрори. Вы нам откроете главный вход? Только не пугайтесь бронемашин.

- Каких бронемашин?! Вы что, с ума сошли?! Вы всех зверей до смерти испугаете!

- Ничего не можем поделать - госпожа Сатановская потребовала три бронемшины. Мой коллега из пограничных войск, капитан Маршак уже распорядился выключить двигатели. И... это... скажите, господин Дрори, вы имеете обыкновение запирают хищников на ночь?

В соседней комнате Ши-Ю не спала. Она услышала телефон, а потом стала прислушиваться к разговору за стеной.

- Комиссар Сапсан...¹ чрезвычайное событие...

- Феликс... да, такой смешной мальчик... может, быть ничего страшного и нет... мать с топором... может, действительно в зоопарк сбежал... только бы в темноте не свалился в какой-нибудь ров...

- Тихо, Ноаха не разбуди... пойдём...

Ши-Ю поднялась в детской кровати. Ноах спал, завернувшись в простыню. Она ловко перелезла через бортик, мягко, словно большая кошка, спрыгнула на пол, толкнула дверь лапами и, еще раз оглянувшись на спящего мальчика, вышла в коридор. Дверь наружу оставили открытой, и Ши-Ю увидела, что там, снаружи, темнота.

- А я боюсь темноты, - промелькнуло у нее в голове. - Ну и что? Они же не знают, где надо искать.

"А я, может, орангутаном хочу быть", - звучал у нее в ушах голос Дохлика.

В отдалении ослепительно вспыхнули прожекторы и начали шарить лучами по всем углам.

- Надо спешить, пока они весь зоопарк вверх ногами не перевернули, - решила Ши-Ю.

Напрямик, через луг, мимо дремлющих антилоп, она припустила во весь дух к обезьяннику. Вот она, клетка орангутанов. Ши-Ю огляделась. Прожекторы рыскали совсем в другой стороне.

- Надо их привести, - решила панда и снова бросилась бежать. Вдоль загона носорогов, мимо слоновника, к пруду. Из камышей, вскрикнув, выскочил и побежал в ее сторону полицейский с ручным фонариком. Следом, переваливаясь на коротких лапках, бежал разъяренный пеликан, пытаясь ухватить его клювом за ногу.

- В гнездо угодил, - догадалась Ши-Ю.

- Сюда, сюда! - Во всю силу легких закричала она.

Маленький усатый полицейский совсем ошалел. Он метался из стороны в сторону, пытаясь увернуться от двух страшных животных, свалившихся на него как снег на голову.

PERUTZ PR 100

24A

B

24

- Помоги! - Крикнула Ши-Ю пеликану. - Надо загнать его к обезьяннику... потом объясню... Успешно маневрируя, они погнали полицейского в нужном направлении. Все трое отчаянно пыхтели. Вот, наконец, обезьянник, клетка орангутанов.

Полицейский прижался к заграждению и вытащил из кобуры на боку что-то черное с тонким стволом.

- Сейчас, - мелькнуло в голове Ши-Ю. - Сейчас... пиф-паф...

- Первый, первый, я шестой, - задыхаясь, крикнул полицейский в радиотелефон. - Меня атакуют, на помощь!

Внезапно взгляд его упал на клетку. Ши-Ю толкнула его носом под локоть, и луч фонарика скользнул по двум тоненьким ногам в сандалиях, висящих между небом и землей.

22

На другой день все газеты поместили на первых полосах фотографии маленького мальчика в очках Феликса Сатановского, его полной, но красивой мамы Изабеллы Исааковны, рыжих волосатых орангутанов Перака, Блоры и Слаунга, усатого полицейского Нира Бартануры, верховного комиссара округа Амира Цвельфуса, а также, конечно, большой панды Ши-Ю и хохлатого пеликана Санчо. "Ночной пандемониум в зоопарке", "Страшная ночь комиссара округа", "Внучка Раскольников-2 и ночные чудовища"², - вопили газетные заголовки..

Доцента кормили дома сладким и мучным.

- Кушай, - говорила Изабелла Исааковна. - Ешь. Это - вегетарианское. Это плюшки, как их готовила бабушка со стороны папы Эсфирь Евсеевна.

- Мама, - спросил Доцент, глядя на Изабеллу Исааковну с изумленным восхищением. - А где ты его заперла?

- Ты же знаешь, голубчик, - ответила она, пододвигая тарелку с плюшками вплотную к любимому ребенку. - У нас есть только одна комната, которую можно запереть, как снаружи, так и изнутри.

Ноах и Ши-Ю валялись на траве, глядя на редкие белые облака в голубом небе.

- Ну и народу вчера навалило, - сказала Ши-Ю. - Опять пришлось прятаться.

- Смотри, облака совсем как нарисованные, - сказал Ноах. - Куда-то тихонько плывут по небу.

- Все движается, - кивнула Ши-Ю. - И все плывет куда-то, все время меняется, превращается одно в другое. Как ты ду... - спросила она, задумчиво посасывая стебель травинки. - Когда мы вырастем, мы будем похожи на нас, или совсем-совсем другие?

- Я-то не собираюсь меняться, - ответил Ноах. - Только бы вот стать повыше, посильнее... немножко поумнее...

- Да-да. - кивнула Ши-Ю. - Отрастить усы, бороду, живот... лучше об этом не задумываться. Давай что ли, гу...

Они подошли к пруду и стали смотреть, как фламинго³ неторопливо бродят у берега на длинных тощих ногах, изумленно глядя вниз на свои искривленные розовые отражения и медленно плывущие в воде облака.

- А когда соберется много-много облаков, то будет зима? - Спросила Ши-Ю.

- Ага, - кивнул Ноах. - Но это еще не скоро.

- А зимой - дождь?

Ноах кивнул.

- Это хорошо. А снег тоже?

- Иногда, очень редко, бывает снег.

- Я хочу посмотреть на снег, - сказала Ши-Ю. - Там, где жили мои предки, было много снега. Угадай, о чем я сейчас ду...?

Но сколько Ноах не ломал голову, он так ничего и не смог придумать.

- Ну, скажи сама, я не знаю! - Наконец сдался он.

- А ни о чем, - ответила Ши-Ю, перекувыркнувшись в траве.

1. Директор от волнения перепутал два вида соколов: Балабана (*Falco subbuteo*) и Сапсана (*Falco peregrinus*).

2. Родион Раскольников - герой романа Ф. Достоевского "Преступление и наказание", убивший топором пожилую женщину, а потом, со страху, еще одну.

3. Фламинго (*Phoenicopteridae*) - очень красивые птицы на длинных ногах и с длинными изогнутыми шеями.

ЭПИЛОГ

Сперва наступил сентябрь, и Ноах стал после утренних прогулок с Ши-Ю ходить в школу. Потом наступил октябрь, и Ноаху исполнилось девять лет, а из Натании приехала в гости бабушка и подарила ему большой стенной календарь с цветными фотографиями. Ноах повесил его над кроватью. Ему очень нравилась октябрьская фотография - морские волны, разбивающиеся о мокрые черные скалы.

Потом наступил ноябрь. Картинка в календаре изображала горные вершины с цепляющимися за них облаками. По утрам стало совсем холодно. Ноах и Ши-Ю сидели в домике панды, спрятавшись от редких тяжелых капель первого дождя.

- И чего это все в сон клонит? - Спросила Ши-Ю. - Ну, конечно, это от дождя. Все небо обложило.

- Значит, посетителей сегодня не будет, - сказал Ноах. - В дождь все сидят дома.

- Мы тоже будем сидеть до... - решила Ши-Ю. - Когда я решу промокнуть, я тебе скажу. А что все делают, когда сидят дома в дождливый день?

- Ну, они жуют что-нибудь, смотрят в окно...

- Что мы будем же...вать? Это у тебя в кульке сливы? Мы будем смотреть в дверь. Я давно хотела погустить с тобой вместе, когда пойдет дождь. Вон как размокропогодилось... Сядем рядышком. Скоро все вокруг намокнет, а вода все будет литься, литься, пока мы не окажемся в ковчеге, отрезанные от всего мира. Ну как, тебе уже гру?..

Ноах и правда загрустил. Это оказалось удивительно приятно - смотреть, как дождь барабанит по земле, по листьям, как на дорожке вырастают лужи, и от этого грусть делается совсем легкой и простой, как запах падающей с серого неба воды и шелест дождевых струй. Когда грустишь, не думаешь о всяких глупостях, о том, что скоро в школу идти. Дождь шепчет что-то невнятное и знакомое, и за его бесконечной мутной завесой мокрый мир глядит во все стороны. И время, кажется, никуда не идет. Нет ни минут, ни часов, ни дней.

- А мы, - тихо сказала Ши-Ю, - сидим в самой середине этого мокрого мира. Над нами крыша, и по ней барабанит: бум-бурум-бурурум...

Лужа до самой две...ри расплзлась, и в ней скачут одноглазые пучеглазы. И если мы о чем-нибудь и думаем, то это очень просто, грустно и спокойно. Мы повторяем про себя: это никогда, ни-ког-да, ни-ког-да... послушай, словно дождь шумит: ни-ког-да, ни-ког-да больше не вернется...

- Потому, - сказал Ноах, - что это ни-ког-да, ни-ког-да не уйдет.

- Пузыри в лужах растут! - Воскликнула Ши-Ю. - Круглые прозрачные грибы - лужевики! Смотри, друг на дружку лепятся. Ого, я, кажется, уже захотела промокнуть с головы до пяток! Кончай грустить, за мной!

И она выскочила из домика и плюхнулась всеми четырьмя лапами в большую лужу, подняв фонтан брызг.

- Пух-плюх! - Весело крикнула она. - Сейчас как напощам этой лужище!

- Давай играть, кто больше брызг поднимает, - предложил Ноах и изо всех сил топнул по луже. - Мы теперь будем мокрые и сверху и снизу!

- И внутри и снаружи! - Подхватила Ши-Ю. - Дождь пла... кал, плакал и вдруг - прыснул от смеха. А вдруг он нас совсем размочет?

- Эх, здорово! Хорошо, что нас никто не увидит таких размытых. И куда же мы смоемся?

- Кто это там идет по дорожке? - Вдруг спросила Ши-Ю. - Так рано... во-он, видишь, в высоких сапогах под синим зонтиком?

- А за ним еще кто-то шлепает, - заметил Ноах. - Двое, нет - трое. И вон еще. А вон, смотри, полковник на своей коляске! Во дает! Всех водой окатил.

И действительно, почему-то именно сегодня, в самый дождь, сюда пришли они все. Полковник Хоуп в кресле на колесах, в прозрачном плаще с островерхим капюшоном, Дэлли, укутанная с ног до головы в макинтош, так, что и узнать ее трудно, Дохлик с обоими родителями - каждый под своим зонтом, Махмуд-баламут с полиэтиленовым мешком на голове, Очковый Коби (что-то он особенно заботливо прикрывает Илану своим плащом), профессор Илюша (капли барабанят по его сверкающей лысине), сам господин Директор, мокрый до нитки и прячущий под большим зонтом маму и (Боже, не может быть!) тетку Мазаль в огромных резиновых сапогах, профессор ветеринарии и китаец-иглоукалыватель в калошах под ручку с ресторатором Юанем, усатый Нир Бартанура и еще один мужчина в высоких сапогах под синим зонтиком, с букетом мокрых лилий, но совершенно незнакомый.

- Да здравствует Ши-Ю! - Громко крикнула Дэлли. - Мы пришли сказать тебе, что ты прелесть!

PERUTZ PR 100

2A

2

И все хором несколько раз прокричали ура.

- Я чрезвычайно горд и счастлив, что мне на старости лет посчастливилось узнать вас всех, - сказал полковник.
- Она вернула мне единственного ребенка! - Воскликнула Изабелла Исааковна.

А Доцент запрыгал в луже, вопя что-то нечленораздельное.

- Я соскучилась по этому Богом проклятому зоопарку, босс, - доносился громкий бас из-под зонтика. - Но главное, что меня подстегнуло, это вот - читали сегодняшние газеты?
- Вы же знаете, Мазаль... - взмолился директор.
- Вы, босс, темный человек! - Возмутилась старушка. - Вы даже не хотите знать, что в горах Пакистана нашли этого, гори он синим пламенем, шамира-червяка.² Режет огромные камни ребристой, говорят, поверхностью тела.

А незнакомый мужчина под синим зонтиком, размахнувшись, бросил через ограду букет лилий, и они рассыпались вокруг онемевшей Ши-Ю белым веером.

- Моя фамилия Цвельфус! Цвельфус! - Крикнул мужчина и смутился.

Профессор Илюша взмахнул руками - и Коби с Иланой в унисон³ сыграли туш на губах.

- Нохи, иди домой и переоденься! - Сказала мама.
- Да и нам бы чайку, чтоб мне лопнуть! - Протрубила тетка Мазаль. - Пожалуйста к нам, гости дорогие!

И все медленно потянулись к дому, время от времени оборачиваясь на садик за оградой, где молча стояли под дождем Ноах и Ши-Ю.

- Марш домой, - сказала наконец панда. - А то вырастешь, как гриб под дождем.

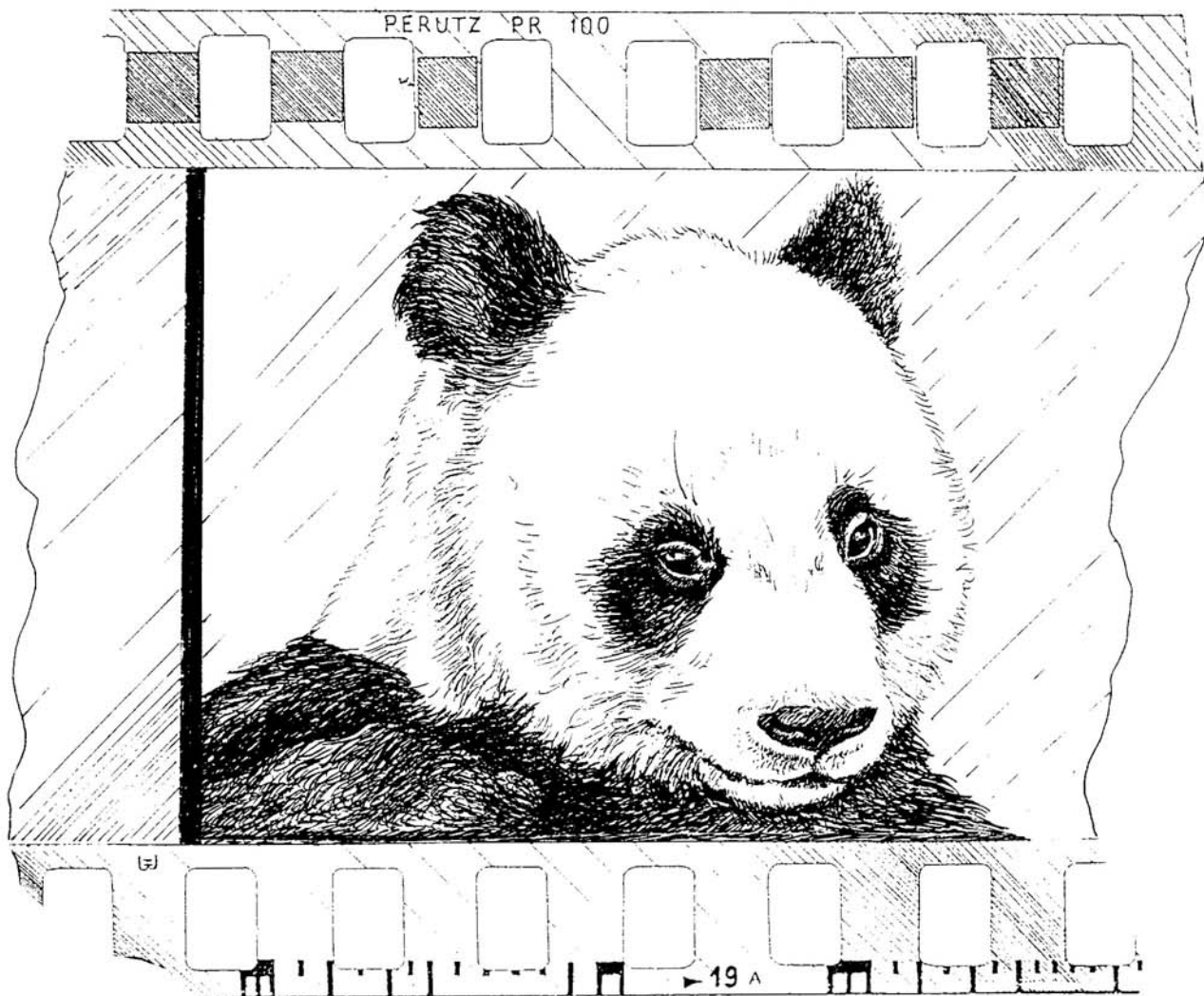
Но Ноах не двигался с места. Он смотрел на Ши-Ю, а она смотрела куда-то за мокрую завесу дождя, за край мокрого мира и словно слегка улыбалась.

- Странно, - сказала она. - Зима началась. Что ты на это ска...

1. Плащ из непромокаемой ткани, который назван по имени своего изобретателя, шотландского химика.

2. Шамир - в Библии - маленькое живое существо, способное заменить железные инструменты при обработке камней. Его появление тоже связывают с наступлением конца света.

3. То есть - одновременно, в лад.

НАША ТОЧКА

Надежда Краинская

РИСУЮ СКАЗКУ

"Точка,
точка,
запятая -
вышла
рожица кривая.
Палка,
палка,
огуречик -
вот и вышел
ЧЕЛОВЕЧЕК."

Эта
сказочка-игра
не стареет,
хоть стара.

Дайте в руки мне
тетрадь -
стану
сказку
рисовать.

Если ночью мне
приснится
человечек
на страничке,
хоть порою
боюсь я снов,
но его
любить готов.

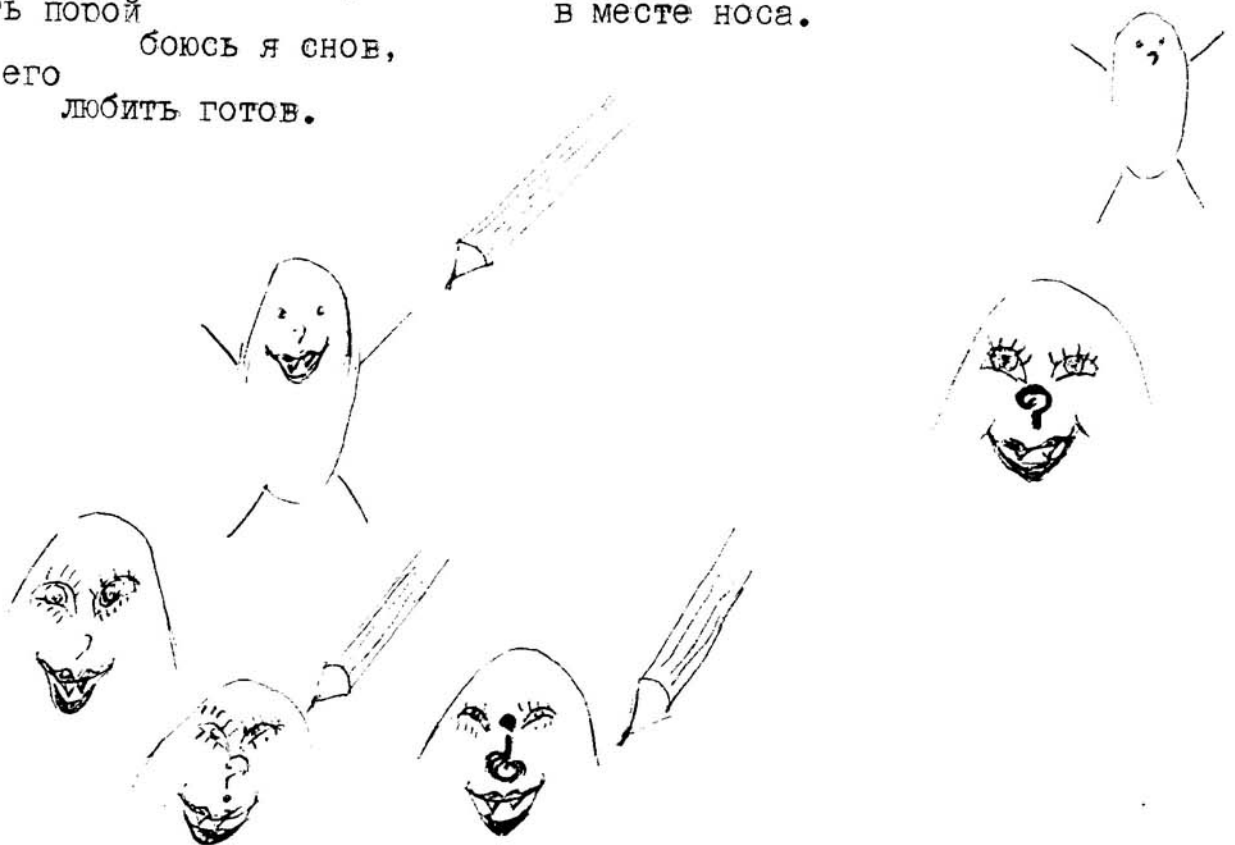
Чтобы мне
его любить,
должен он
весёлым быть.

Я
ему
рисую
и улыбку, губки
даже зубки.

А теперь
рисую глазки
с выраженьем
доброй ласки.

Только вот
один вопрос:
как
весёлый
сделать
нос?

Нарисую
знак вопроса
вместо точки -
в месте носа.

Михаил Король

Из “Новой народной книги для чтения”

СКАЗКИ С ХОРОШИМ КОНЦОМ

(Рассказ добренького Сказочника)

Почему есть сказки, которые кончаются плохо? Если такую сказку рассказать хорошему ребенку, то он подумает, что, наверное, так надо, чтобы было всем плохо и перестанет вести себя хорошо. А если, наоборот, такую сказку рассказать плохому ребенку, то он подумает, что ведет себя еще недостаточно безобразно и постарается стать еще хуже.

Поэтому я решил переписать заново все сказки, у которых печальный конец. Это не так просто, потому что не всегда понятно, что такое веселый конец. Что, например, веселого в том, что охотники разрезали живот Волку, хотя и спасли при этом Красную Шапочку и Бабушку? Вот как я рассказываю эту сказку:

Жила-была однажды Красная Шапочка. Пошла она как-то к заболевшей Бабушке с гостинцами. А дорога шла через темный-темный лес. Красная Шапочка знала, что в таком лесу могут быть дикие звери, в том числе и серые волки, и что маленькой девочке ужасно опасно гулять по таким местам. Да и какая нормальная мама отпустила бы ее одну? Поэтому Красная Шапочка пошла к бабушке вместе со своими подружками, которых у Красной шапочки было много, штук тридцать пять. А чтобы девочки в дороге вели себя хорошо, то с ними пошел и дядя Красной Шапочки, очень серьезный и строгий Воспитатель. Он прежде всего проследил за тем, чтобы никто не забыл головные уборы, удобную обувь для леса и бутылки с питьевой водой. По дороге дядя рассказывал Красной Шапочке и ее подружкам разные умные вещи, как, к примеру, в чаще леса определять, где север, а где восток, какие травы целебные, а какие ядовитые, и почему надо опасаться клещей. Девочки вели себя послушно, шли строем и пели народные песни. Так они пришли к Бабушке и вручили ей гостинец. Бабушка растрогалась и угостила их чаем. Конец.

Правда, хорошая сказка? А вот еще одна, про Курочку Рябу.

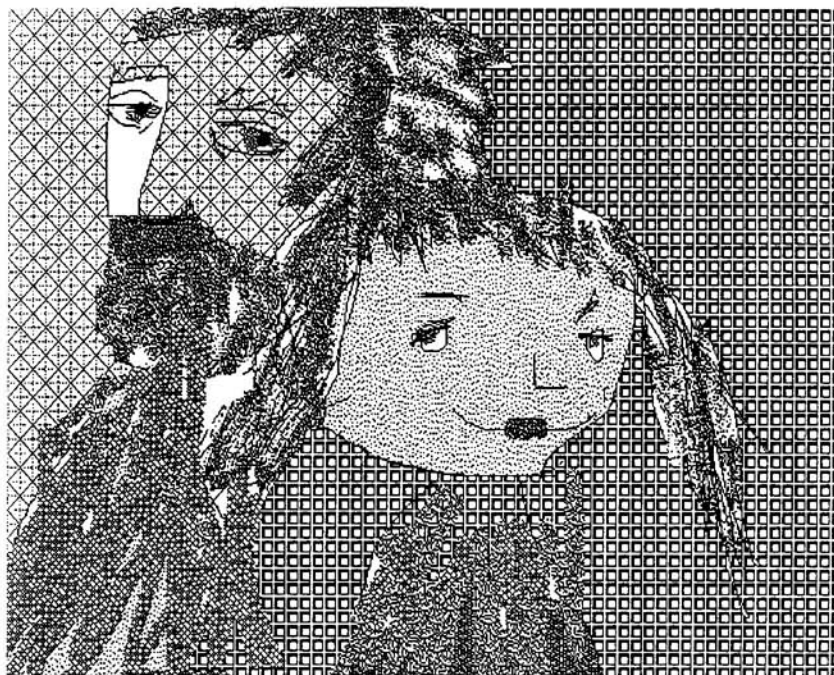
Жили-были дед да баба, и была у них Курочка Ряба. Снесла курица золотое яйцо. Дед бил – не разбил. Баба била – не разбила. Мышь бежала, хвостом махнула – да промахнулась! Тогда дед взял молоток, да посильнее тукнул. Крак! Яйцо, наконец-то, разбилось, и дед с бабой увидели, что внутри оно не золотое, а простое. Из простого яйца яичницу поджарили, а золотую скорлупу продали удачно. И стали жить-поживать, да добро наживать. Конец.

А вот, что делать с Колобком, не знаю. Ведь, по идее, он создан был для того, чтобы его съели. Но жалко его! Пусть будет так:

...Сел Колобок на язычок Лисичке и запел свою песенку. А Лисичка его – ам! – и съела. Но тут мимо проходили охотники, услышали шум, лису поймали, разрезали ей живот, и оттуда здоровый и невредимый вышел Колобок. А из лисы шапку сшили, теплую да красивую, да мне подарили, чтобы я не очень горевал, что кому-то опять живот разрезали... Конец.

В З Р О С Л Ы М О Р А З Н О М

Илюша Ротенберг, 2,5 года

Гладит брата по голове:

– Какой ты пыльный!

– Посмотри, Илюшечка, это – теремок.

– Папа, ты с ума сошел, это – синагога.

– Папа, почини машинку, чтобы она не ехала!

Буля Риненберг, 5 лет

– Сволочь нельзя сказать про больших.

– Ни про кого нельзя!

– Нет, можно про ботинок, когда он нарочно не хочет делаться на бантик!

– Сколько будет от пяти отнять два?

– Отнять нельзя!!! Можно только дать!

Артем Гуревич, 3 года, и его тятя Юля

– Темочка, котенок мой, я так тебя люблю!

– Юлечка, собачка моя, я тебя тоже!

В З Р О С Л Ы М

В З Р О С Л О М

Дана Гликман, 5 лет

- Маленьким девочкам нельзя пользоваться губной помадой.
- Мама, давай играть! Я буду мамой, а ты Даночкой. Мама, я – мама? Помаду давай!
- Даночка, кто тебя побил?
- Арон Хефец хочет, чтобы я была только его женой, а я уже люблю Барика.
- Знаешь, мамочка, ты скоро станешь старенькая. Тогда мы с папой поженимся и будем тебя любить.

Веня Раткевич, 2,5 года

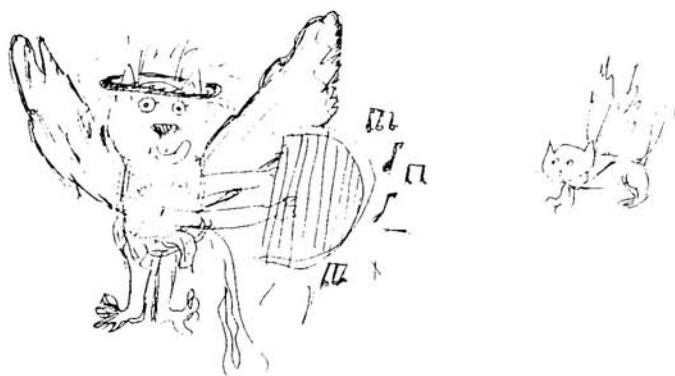
- Когда я вырасту, я буду пить, курить и кушать шоколад!

Илюша Ротенберг, 2,5 года

- Когда я вырасту, я буду большой, огромный, как папа, как мусорная машина!

Смотрит советский фильм о любви. Парень с девушкой идут, взявшись за руки.

- Они идут за ручку, потому что опасно.

Заставка Мани Король

Юлия Винер

ФИГУШКИ СМЕРТУШКЕ

Кушаньки-кушаньки
кушаньки душеньки
дочечки сыночки
кисоньки ласточки
ладушки милочки
куколки тютеньки
цыпочки пупочки
мумочки вавочки

Кушаньки супчика
хлебушка с маслицем
мягкой котлеточки
белой картошечки
сладким чаечком
все запиватеньки
кушаньки вкусненько
питеньки сладенько

После покушаньки -
спатеньки-спатеньки
спатеньки петеньки
спатеньки катеньки
спаточки деточки
спаточки лапочки
спатки в кровати
детки-ребятки
Вставши с подушечки -
потягушечки

мои лягушечки
лялечки душечки

После - гулятеньки
сил набиратеньки
воздухом свеженьким
вольно дышатеньки

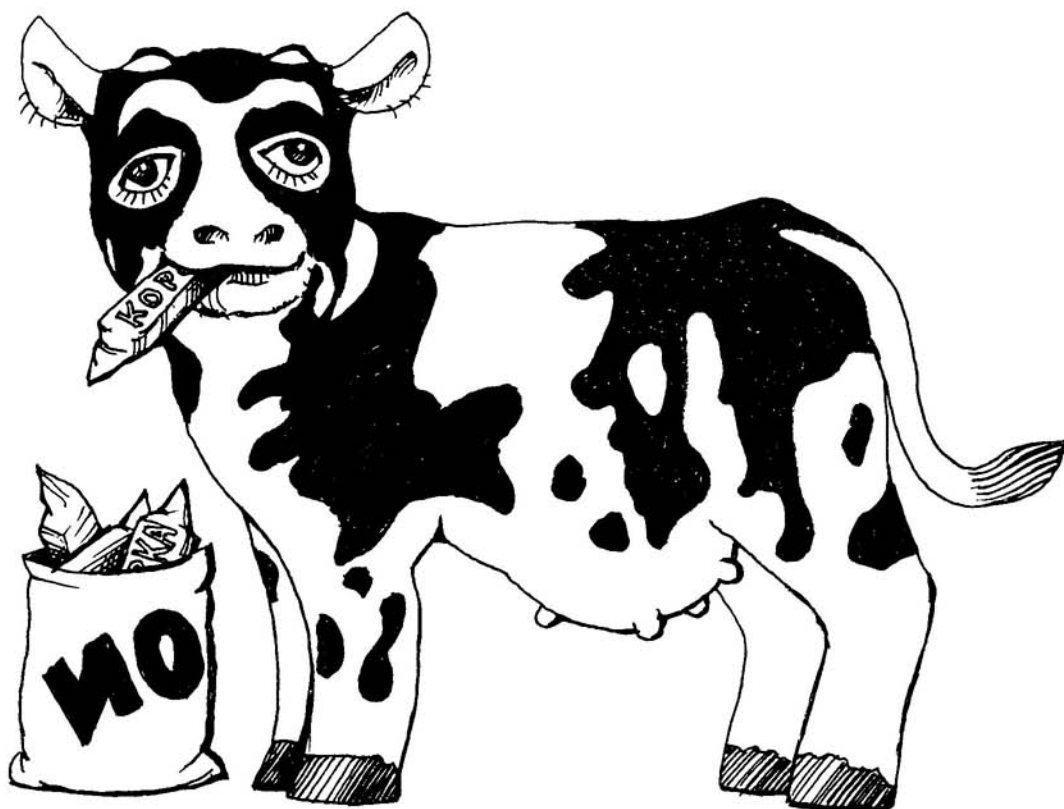
Хиханьки-хаханьки
песенки петеньки
по сторонам
никогда не глядетеньки

Как нам приятненько
славненько житеньки
и по счетам
никогда не платитеньки

В звонкие дудочки
лихо игратеньки
бодрые удочки
быстро мотатеньки

Радуйтесь детушки
пойте ребятушки
фигушки смертушке
фулюшки матушке

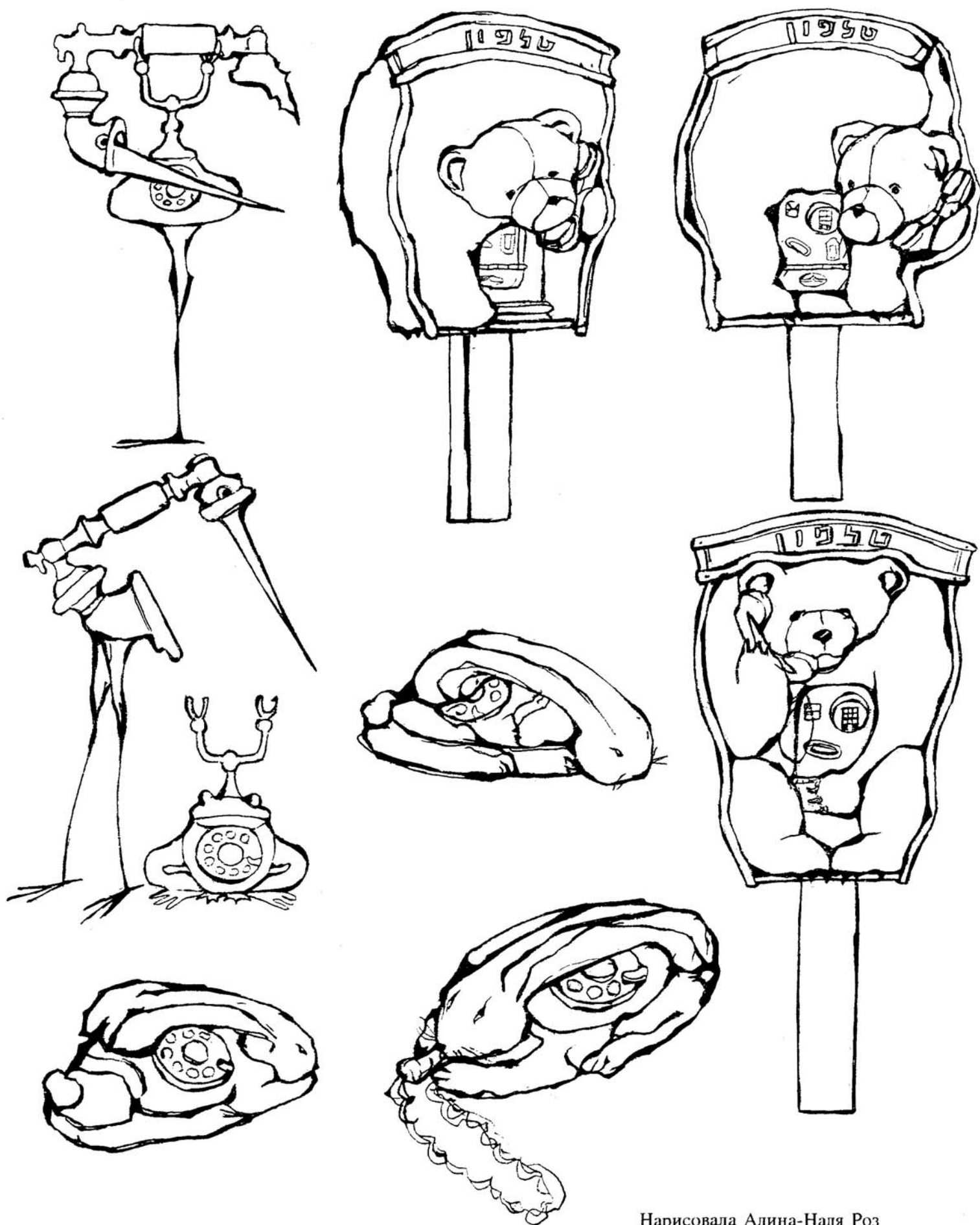

Члены редколлегии “Точки, точки, запятой” Гали-Дана Зингер, Михаил Король и Некод Зингер, они же – жюри конкурса “И.О.” за 1997 год, рады сообщить всем-всем-всем, что в этом году премия присуждена Саше Щербе за повести “Маленькое путешествие или кукла Вера” и “Мои милые психи”. Лауреат награждается декоративной свечкой “Безрогая корова” и 0,5 кг конфет “Коровка”.

Гали-Дана Зингер,
Михаил Король,
Некод Зингер

РАССКАЖИ СКАЗКУ

(Окончание)

Нарисовала Адина-Надя Роз